УДК 94(38):693(09) + 711.4(09)

С. Э. Таривердиева

СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРКА АГРИППЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Рассматривается идеологическое значение общественных построек и сооружений Марка Агриппы в Риме, который отремонтировал все римские акведуки и построил новые, а также возвел на Марсовом поле огромный комплекс различных сооружений, чем полностью его преобразил. Основной идеологической целью этого строительства было прославление принцепса, его рода, а позднее режима принципата, что наиболее ярко видно на примере Пантеона. Но по сравнению с постройками Августа проекты Агриппы носят более бытовой и практический характер или предназначены для развлечения и отдыха плебса, что позволяло привлечь к новому режиму симпатии этого слоя, тогда как целевой аудиторией Августа являлось скорее высшее сословие. В строительной политике Агриппа занимал почетное второе место после Августа, однако третьего места в этой сфере и не предполагалось.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Марк Агриппа; Октавиан Август; Марсово поле; идеология принципата; акведуки; термы Агриппы; Пантеон; Септа Юлия.

Император Август по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным [Suet. Aug., 28. 3]. Действительно, перечни его построек, приводимые как Светонием [Suet. Aug., 29—30], так и самим принцепсом в «Деяниях» [RGDA, 19—21], весьма обширны. Эти многочисленные проекты могут рассматриваться не только как функциональные сооружения и украшения, достойные столицы мира, но и как свидетельства, отражающие идеологическую политику первого принцепса и его политический курс в целом. Впервые строительная политика Августа была наиболее полно проанализирована под этим углом зрения в работе П. Цанкера «Власть образов в век Августа» [Zanker]; после этого был опубликован ряд важных исследований, в которых

© Таривердиева С. Э., 2014

рассматривался архитектурный язык эпохи Августа [см., например, из недавних работ: Rich; Favro, 2005; Rehak; Kienast, 2009, S. 408—438].

Представляется, однако, что строительная программа Августа включала не только те здания, возведением которых он занимался лично, но и проекты, реализованные его родственниками и друзьями, и особое место среди них занимают «превосходные постройки» Агриппы [Suet. Aug., 29. 5]. Нельзя сказать, что строительная деятельность Агриппы обделена вниманием исследователей: например, Ф. Шипли посвятил небольшую монографию строительной деятельности Агриппы в Риме [Shipley], П. Цанкер пишет о строительной программе Агриппы в контексте общей идеологии принципата [Zanker, p. 141—143], Ж.-М. Роддаз высоко оценивает вклад Агриппы в организацию водоснабжения Рима [Roddaz, 1984, p. 559, 567—587][1]. Однако П. Цанкер рассматривает формирование идеологии Августа в целом и не останавливается на личном вкладе Агриппы и его характеристиках[2], а Ф. Шипли и Ж.-М. Роддаз, напротив, очень подробно рассказывают о работах Агриппы, но почти оставляют в стороне их идеологическую составляющую. Впрочем, в другой своей работе Ж.-М. Роддаз рассматривает строительную деятельность Агриппы уже в контексте идеологии, однако его интересует не значимость этих работ в повседневной жизни римлян, не то, как они воспринимались жителями города и даже не то, каким образом они вписывались в августовскую пропаганду, а то, какую интерпретацию деятельность Агриппы получила в этой пропаганде и как эта пропаганда повлияла на последующую литературную традицию и образ Агриппы в ней. Разница между строительными программами Августа и Агриппы в этой статье также не рассматривается [см.: Roddaz, 1980]. Описательный подход преобладает в работе В. Гардтхаузена [Gardthausen, S. 751—761][3], но, рассматривая отношение Агриппы к религии, автор отмечает любопытную особенность его построек: большинство из них имеет светский, а не религиозный характер, за исключением Пантеона, который первоначально был задуман как Августей [см.: Gardthausen, S. 746—747, 979; ср.: Reinhold, p. 163]. М. Рейнхолд излагает биографию Агриппы в хронологическом порядке, так что сведения о его строительных проектах рассредоточены и не рассматриваются как единое целое [см.: Reinhold, p. 46—51; 74—77; 95—96, 162—163].

Для нас представляет интерес более подробный анализ идеологического значения общественных сооружений и зданий в Риме, строительство которых было начато Агриппой и закончено при его жизни. Марк Випсаний много строил и в провинциях, например в Галлии и Греции, однако трудно установить, каков его личный вклад в эти проекты, поэтому в настоящей работе анализируется только его строительная деятельность в Риме. Кроме того, нужно

---

[1] На этих же аспектах деятельности Марка Агриппы останавливаются и многие другие авторы [см.: Gardthausen, S. 735—761; Shipley, p. 1—83; Reinhold, p. 141—149; и др.].

[2] Д. Фавро, исследуя строительную политику Августа, также не анализирует особую роль Агриппы в ней [см.: Favro, 2005, p. 234—263]; Я. Ю. Межерицкий даже не упоминает его в главе, посвященной постройкам Августа [см.: Межерицкий, с. 317—326]

[3] Следует отметить, что археологические данные, на которые он опирается, серьезно устарели.

учесть, что постройки Агриппы в других городах рассматривались как дар народу конкретного города, а сооружения в Риме, практически предназначавшиеся для римского плебса, идеологически рассматривались как дар всему римскому народу.

Поскольку речь идет об идеологическом наполнении строительной программы Агриппы в Риме, представляется целесообразным начать с наиболее простой в этом смысле и наиболее практической стороны его деятельности — с организации водоснабжения и мероприятий во время эдилитета в 33 г. до н. э.

Плиний рассказывает, что друг Августа построил в Риме 700 водохранилищ, 500 фонтанов и 130 распределительных резервуаров и великолепно украсил их тремя сотнями статуй, как бронзовых, так и мраморных, и четырьмя сотнями мраморных колонн [Plin. HN, XXXVI. 24][4]. Подробности известны лишь об одном из таких украшений: Фест пишет, что Агриппа украсил озеро Сервилия, находившееся возле Базилики Юлия, фигурой гидры [Fest., 290]. Ф. Шипли предположил, что выбор пал на гидру, поскольку именно она как многоголовое существо, хорошо подходила для многоструйного фонтана [см.: Shipley, p. 83]. Помимо строительства фонтанов, Агриппа позаботился и об акведуках. Во время своей претуры или эдилитета он построил Юлиев акведук и отремонтировал акведук Тепула[5], занимался реставрацией и других акведуков (Аппиа, Старый Аниен и Марция), кроме того, построил еще один — акведук Дева, который был завершен в 19 г. до н. э.

До вмешательства друга Августа вода в акведуке Тепула была тепловатой (о чем свидетельствует название) и объем воды составлял 445 квинариев в сутки [Front. De Aquis. II, 68]. Взявшись за ремонт, Агриппа не просто отреставрировал акведук Тепула, но и объединил его с Юлиевым акведуком, который построил выше по местности. Подобной мерой он одновременно пустил по старому акведуку более холодную и чистую воду и увеличил напор воды почти в три раза [Ibid., 69][6]. Агриппа также реставрировал Марциев акведук, который был негоден из-за неисправности труб, и провел от него трубы во многие части города [Cass. Dio, XLIX. 42. 2].

Г. Эванс высказал любопытную мысль об акведуке Юлия. Автор считает, что этот акведук был построен специально для того, чтобы обеспечивать водой постройки Августа в тех районах, через которые он проходил. Г. Эванс замечает, что ограниченное количество распределительных резервуаров, приписываемых этому акведуку, предполагает скорее распределение воды по отдельным объектам, чем снабжение большого числа построек на обширной территории. Автор считает, что воду из акведука Юлия получали, например, форумы Це-

---

[4] В других источниках также упоминаются фонтаны, построенные Агриппой, однако без каких-либо подробностей [см., в частности: Strab, V. 3. 8].

[5] Фронтин датирует эти работы 33 г. до н. э., т. е. эдилитетом Агриппы. Дион Кассий же относит их к 40 г., т. е. к претуре Агриппы. Аргументы в пользу датировки Диона Кассия [см. : Shipley, p. 28]. В пользу датировки Фронтина см. : [Reinhold, p. 49, n. 23; Roddaz, 1984, p. 149, n. 59; Evans, p. 406, n. 30].

[6] О технических особенностях акведука Тепула и археологических данных о нем см.: [Evans, p. 403—406].

заря и Августа, сады Мецената, портик и мясной рынок Ливии на Эсквилине и постройки Августа на Римском форуме. Основываясь на этом предположении, Г. Эванс приходит к выводу, что акведук Юлия играл важную роль в программе Агриппы по организации водоснабжения в Риме и что акведуки Юлия и Тепула, снабжая водой общественные здания и частные дома, удачно дополняли друг друга [см.: Evans, p. 408].

Поскольку никаких подробностей или особенностей о деятельности Агриппы в отношении акведуков Аппия и Старый Аниен в источниках не сохранилось, можно предположить, что в этих случаях дело ограничилось обычным ремонтом их каналов [Front. De Aquis, I. 9].

Поскольку построенный Марком Випсанием акведук Дева (ил. 1) в первую очередь предназначался для того, чтобы снабжать водой его же термы на Марсовом поле, представляется целесообразным рассмотреть подробно этот акведук ниже, вместе с термами Агриппы[7].

Г. Эванс высказал интересную мысль о том, что Марк Агриппа не просто строил акведуки, откликаясь на немедленные нужды жителей города, но с самого начала имел ясный план по улучшению ситуации с водоснабжением в Риме и тем самым продемонстрировал совершенно новый подход к делу. Если его предшественники улучшали ситуацию в отдельных районах, то Агриппа имел в виду весь город в целом [см.: Evans, p. 410]. Здесь проявляется характерный для Агриппы комплексный подход, проявившийся также в обустройстве Марсова поля. При этом система водоснабжения представляла единый комплекс с системой канализации (подвод свежей воды с отводом использованной).

Мероприятия Агриппы по строительству акведуков и фонтанов в первую очередь имели практическое значение. Страбон пишет, что в Риме благодаря Агриппе почти в каждом доме имелись цистерны, трубы и фонтаны [Strab., V. 3. 8][8]. Как отмечает Дж. Осгуд, организация водоснабжения для римского плебса была важнее предпринятой в это же время обширной реконструкции храмов, поскольку Агриппа построил для жителей Рима множество прекрасных фонтанов по всему городу и избавил их от необходимости добывать воду из менее удобных источников [см.: Osgood, p. 330–331; см. также: Beachem, p. 158]. Однако едва ли можно допустить, что за этой деятельностью не стояло никакой идеологической подоплеки. П. Цанкер справедливо замечает, что фонтаны и акведуки должны были ясно продемонстрировать римлянам, что с приходом Октавиана к власти жизнь действительно улучшилась, причем именно благодаря ему и его соратникам. Кроме того, эта деятельность выгодно подчеркивала различие между Октавианом и Марком Антонием: пока последний тратил свое состояние в Александрии, Октавиан старался что-то сделать для сограждан [см.: Reinhold, p. 46–47; Zanker, p. 71; Kienast, 2009, S. 412].

Однако эти мероприятия Агриппы в Риме имели еще один идеологический посыл. В источниках подчеркивается, что во время эдилитета Агриппа за

---

[7] Технические сведения об акведуках Агриппы см: [Coarelli, 2007, p. 446–448].

[8] Слова Страбона являются преувеличением, свой водопровод имелся только в богатых домах, а для его проведения было необходимо разрешение принцепса [Front. De Aquis., 105].

свой счет, не обращаясь к государственной казне, отремонтировал общественные здания, улицы и привел в порядок канализационную систему [Cass. Dio, XLIX. 43]. По поводу акведука Дева Дион Кассий особо подчеркивает, что Агриппа построил его за свой счет [см.: Cass. Dio, LIV. 11. 7][9]. Поскольку эти сведения дошли до столь позднего автора, можно предположить, что при жизни или вскоре после смерти Агриппы[10] информация об этом факте, вероятно, специально распространялась. В 43 г. до н. э. Агриппа предъявил обвинение по Педиеву закону Гаю Кассию, одному из убийц Цезаря [Vell., II. 69. 5], и добился его осуждения, а следовательно, получил имущество осужденного или, возможно, его часть [Cass. Dio, XLVI. 49. 3, ср.: Roddaz, 1984, p. 42, not. 69][11]. Проскрипции, начатые триумвирами в том же году, также дают основания предположить, каким образом в руках Агриппы сконцентрировались средства, достаточные для ремонта общественных зданий, улиц, канализации и строительства акведука Дева[12]. В любом случае, даже если денежные средства Марка Випсания имели иное происхождение, имя ближайшего сподвижника Августа не могло не ассоциироваться с проскрипциями и конфискациями эпохи второго триумвирата. Строительные мероприятия, тем более такие масштабные, позволяли отвлечь римлян от воспоминаний о тяжелых событиях и одновременно продемонстрировать, что даже средства, изъятые у сограждан в эпоху проскрипций, Август и его соратники тратят не на собственную роскошь, а на улучшение жизни сограждан. Особенно выгодно смотрелись эти мероприятия на фоне поведения Марка Антония, который также принимал участие в проскрипциях, однако предпочитал тратить свои богатства на Востоке [Mottershead, p. 207]. Если его сторонники все-таки возвели в Риме некоторые сооружения (хотя и не в таком количестве и не том масштабе, как соратники Октавиана), то сам Марк Антоний не строил там ничего [см.: Osgood, p. 328—330]. Разумеется, отчасти это объясняется отсутствием триумвира в Риме [Ibid., p. 328], однако следует отметить, что когда Цезарь-диктатор начал строить свой форум, он тоже находился не в Риме, а в Галлии [Suet. Iul., 26. 2; Cic. Att., IV. 16. 8][13].

Ж.-М. Роддаз высказал мнение, что дельфины, установленные в Большом цирке Агриппой (ил. 2) [Cass. Dio, XLIX. 43. 2], — это тоже фонтан, который

---

[9] О технических характеристиках акведука Дева и археологических данных о нем см.: [Evans, p. 408—409].

[10] В завещании Марк Агриппа предусмотрел для граждан возможность бесплатно пользоваться его термами за счет своего состояния и оставил Августу своих обученных рабов для поддержания акведуков и фонтанов в рабочем состоянии [Cass. Dio, LIV. 29. 4; Front. De Aquis, II. 98].

[11] Во времена Республики награда обвинителя, как правило, состояла в повышении его общественного статуса; выплата материального вознаграждения из имущества осужденного, вероятно, впервые была установлена законом Педия [Galsterer, p. 402, not. 19].

[12] Вопрос об имуществе Агриппы и его происхождении требует отдельного исследования, однако сложно поверить, что ближайший сподвижник Августа ничего не получил в результате масштабных проскрипций второго триумвирата [см.: Roddaz, 1984, p. 42, not. 69; p. 62, 135, 551—552].

[13] Дж. Суми указывает еще на одну идеологическую цель строительных мероприятий Агриппы в 33 г. до н. э.: Октавиан стремился возродить и поддерживать в людях надежду, что гражданские войны закончились [см.: Sumi, p. 210].

обеспечивал воду для постановок морских баталий [см.: Roddaz, 1984, p. 150, 153; см. также: Fantham, p. 49]. Можно предположить, что Марк Випсаний не случайно выбрал именно дельфинов: они довольно тесно ассоциировались с Агриппой и напоминали зрителям о его морских победах [Zanker, p. 71], их чеканили на монетах с его портретом [RIC, I. 58; RPC, I. 1367]. Самые знаменитые морские победы Агриппа одержал при Милах, Навлохе и Акции. Если согласиться с выводами П. Цанкера, что изображение дельфинов использовалось для напоминания об этих победах, то эти же дельфины сразу наводили на мысль и о поражениях противников Агриппы — Секста Помпея и Марка Антония [Reinhold, p. 60—61, n. 48][14].

В 33 г. до н. э. Марк Агриппа также очистил канализационную систему Рима и лично проконтролировал результаты реконструкции, проплыв по Большой Клоаке на лодке до Тибра [см.: Cass. Dio, XLIX. 43; Plin. HN, XXXVI. 104]. Едва ли в распоряжении эдила не нашлось людей, которые могли бы проверить качество выполненной работы. Представляется, что и это мероприятие содержало идеологический намек, довольно ясный и недвусмысленный: римскому народу предоставлялась возможность убедиться в том, что ближайшее окружение Августа вообще и Агриппа в частности не ограничивается простыми распоряжениями и детально вникает в процесс работы и контролирует ход и качество ее выполнения.

В источниках сохранилось еще одно любопытное свидетельство об этой программе Агриппы. Когда жители Рима жаловались Августу на дороговизну и нехватку вина, принцепс ответил: «satis provisum a genero suo Agrippa perductis pluribus aquis, ne homines sitirent» [Suet. Aug. 42][15]. Данный эпизод свидетельствует о том, что эти работы Агриппы воспринимались как крупное благодеяние римскому плебсу (в общественных фонтанах вода текла днем и ночью) [Front. De Aquis, II. 103—104][16]; сославшись на него, принцепс имел возможность устыдить городской плебс за его чрезмерные требования, не опасаясь обвинений в скупости.

Перейдем к другим архитектурным проектам Агриппы в Риме. Хронологически первый объект, о котором имеются сведения, — Септа Юлия (ил. 3). Септа представляла собой огороженный квадрат, освященный авгурскими обрядами как *templum* и разделенный перегородками на проходы и секции для удобства голосования по куриям, трибам или центуриям, который Агриппа завершил и посвятил в 26 г. до н. э. на Марсовом поле [см.: Shipley, p. 38; Richardson, p. 340; Demougin, p. 306]. В Септу были перенесены трибутные комиции; возможно, и центуриатные тоже [Cic. Att., IV. 16. 8; Cass. Dio, LIII.

---

[14] Об особом значении воды и водной символики в строительной программе Агриппы и ее связи с его морскими победами см. : [Grüner, S. 49—53]. О сакральном значении текущей воды в Древнем Риме см.: [Кнабе, с. 30—84].

[15] «Довольно позаботился мой зять Агриппа о строительстве акведуков, чтобы никто не страдал от жажды» (здесь и далее перевод автора статьи).

[16] Ср. отзыв современника, Горация [Hor. Serm., II. 3. 185—186]: «scilicet ut plausus quos fert Agrippa feras tu, / astuta ingenuum volpes imitata leonem?» («Уж не мечтаешь ли ты сравняться в успехе с Агриппой, / Словно проныра лиса, благородному льву подражая?») [Гораций, с. 292].

23. 2; Taylor, 1966, p. 47; Sumi, p. 52—53]. Проект этого строения принадлежал Цезарю, который не успел его закончить (возможно, не успел даже начать). В течение некоторого времени зданием занимался Лепид, однако к моменту разрыва с Октавианом работы еще не были завершены. Украсил и посвятил Септу уже Агриппа.

Наиболее подробные сведения о его украшениях содержатся у Плиния [Plin. HN, XXXVI. 29], который упоминает Олимпа с Паном и Хирона с Ахиллом в Септе. О Хироне с Ахиллом говорит и Марциал [Mart., II. 14. 5—6]. Из источников неясно, что это были за предметы искусства — картины или скульптурные группы. Плиний сообщает еще об одном любопытном предмете, хранившемся в Септе [Plin. HN, XVI. 201], — о большом бревне, которое сочли слишком крупным, чтобы использовать его при строительстве Дирибитория — здания, функционально связанного с Септой, где проводились подсчеты голосов [см.: Shipley, p. 40—43; Richardson, p. 109—110]. В длину оно составляло 100 футов, а в ширину — полтора. По словам Плиния, Агриппа оставил это бревно в Септе как диковинку. Очевидно, Агриппу занимали необычные вещи, и он стремился показать их другим. Дион Кассий называет Дирибиторий самым большим сооружением под единой крышей, и когда она разрушилась, ее уже не смогли восстановить [Cass. Dio, LV. 8. 4]. Д. Фавро считает, что строительство столь огромного здания и демонстрация бревна символизировали превосходство Августа над Цезарем, поскольку диктатор не покрыл Септу крышей [Favro, 1996, p. 181]. Однако такая точка зрения не представляется убедительной. Во-первых, как говорилось выше, неизвестно даже, приступил ли Цезарь к строительству Септы; вероятно, почти все строительство осуществили Лепид и Агриппа. Во-вторых, Септа была названа в честь Августа, поэтому противопоставление принцепса и диктатора вряд ли предполагалось [Cass. Dio, LIII. 23. 2]. В-третьих, утверждение Диона Кассия не означает огромных размеров самого здания, но лишь уникальную конструкцию его крыши. Дирибиторий был существенно меньше Септы: он примыкал к ее короткой стороне и лишь ненамного ее превышал, а в ширину составлял около 43 м, тогда как сама Септа имела размеры 310 х 120 м [см.: Richardson, p. 110, 340] и, в силу своей величины и назначения, вряд ли вообще предполагала наличие крыши. Наконец, выставленное Агриппой бревно оказалось слишком велико для строительства Дирибитория, однако в Септу поместилось; следовательно, оно не подчеркивало размеры Дирибитория, но представляло интерес само по себе, как причуда природы. Вероятно, в Септе имелись и другие украшения, однако о них не сохранилось никакой информации [О колоннаде Септы см.: Favro, 1996, p. 174].

Самое очевидное идеологическое значение этой постройки Агриппы — показать преемственность нынешнего режима с планами и проектами Цезаря. Октавиан с самого начала всячески подчеркивал и демонстрировал связь с приемным отцом и старался показать себя его преемником [см.: Zanker, p. 33—37]. Особенно ярко это использовалось в пропаганде эпохи гражданских войн, однако и во времена принципата, когда Август вводил непопулярный налог на наследство, он ссылался на то, что выполняет распоряжение Цезаря [Cass. Dio,

LV. 25. 5]. Примечательно, что это заявление помогло. Завершение проекта, по меньшей мере разработанного, хотя и не начатого Юлием Цезарем, привлекало дополнительные симпатии цезарианцев к Октавиану и укрепляло лояльность тех, кто уже был на его стороне[17].

Очевидно, прославление имени Цезаря и завершение его проекта могло вызвать одобрение ветеранов, плебса, италийцев, возможно, новых членов сената, которых ввел туда Цезарь. Однако едва ли в конце 30-х гг. до н. э. были основания рассчитывать, что столь же добрую память о диктаторе хранит и римский нобилитет. Можно предположить, что в это время Октавиан и Агриппа были больше заинтересованы в поддержке и симпатии армии, плебса и италийцев, чем римской аристократии. Кроме того, Септа как помещение для голосований демонстрировала один из пунктов пропаганды Октавиана — возрождение свободных выборов и опоры на народное собрание [см.: Шифман, с. 163; Rich, Williams, p. 200—201, 206—207 (библиогр. см. p. 207, not. 109); Zanker, p. 142; Sumi, p. 190; Mottershead, p. 209]. Септа, названная именем Юлия, вероятно, должна была наводить на мысль об особых отношениях между Цезарем и его приемным сыном — с одной стороны, и римским народом — с другой. Впрочем, вскоре Август превратил Септу в многофункциональное строение: там проводились не только народные собрания, но и гладиаторские бои и звериные травли [Suet. Aug., 43. 4; Cass. Dio, LV. 8. 5; 10. 7], заседание Сената во время проведения Столетних игр в 17 г. до н. э. [CIL, VI. 32323. 50], встреча Тиберия, прибывшего в 9 г. н. э. из Германии [Suet. Tib., 17. 2; Cass. Dio, LVI. 1. 1; Demougin, p. 316; Favro, 1996, p. 207; Sumi, p. 52—53, 252].

Следующая постройка Агриппы — портик Аргонавтов (ил. 4), завершенный в 25 г. до н. э. [Richardson, p. 312]. Дион Кассий сообщает, что Агриппа построил этот портик в память о своих победах на море и украсил его картинами с изображением путешествия аргонавтов [Cass. Dio, LIII. 27. 1][18]. Об этом же портике упоминает и Марциал [Mart., III. 20. 11]. Ф. Шипли полагает, что выбор этот был обусловлен скромностью Агриппы. По его мнению, подобный косвенный намек больше соответствовал характеру Агриппы, нежели ряд картин с изображением его собственных побед, которые прославляли бы их открыто [Shipley, p. 44]. Однако из источников ясно, что связь между портиком аргонавтов и победами Агриппы на море была очевидна и не скрывалась, Дион Кассий пишет об этом прямо. Возможно, Марк Випсаний предпочел тему аргонавтов не из личной скромности: если бы он украсил портик изображением собственных побед, подобное откровенное восхваление действительно выглядело бы слишком грубым в общей картине пропаганды Августа. Зато изображение

---

[17] Л. Тэйлор высказала мнение, что Септа, по замыслу Цезаря, должна была соперничать с огромным комплексом Помпея на Марсовом поле [Taylor, 1966, p. 48], однако этих целей скорее достигал комплекс Марка Агриппы, построенный на том же Марсовом поле. В целом об увековечивании памяти о Цезаре-диктаторе в строительной программе Августа см.: [White, p. 336—340; Kienast, 2001, S. 4—7; Zarrow, p. 147—199]. О местонахождении Септы и ее функционировании по прямому назначению см.: [Demougin, p. 305—317].

[18] Подробнее о местонахождении портика, а также его связи с базиликой Нептуна см.: [Shipley, p. 44—47; Reinhold, p. 75, n. 61; Roddaz, 1984, p. 260; Coarelli, 2007, p. 285—289].

аргонавтов, с одной стороны, прямо и ясно намекало на победы Агриппы на море, с другой — позволяло не раздражать недовольных режимом Августа (и прежде всего тех, кто в этих битвах сражался против его полководца) слишком навязчивой пропагандой. Сама идея украсить портик рядом картин на одну и ту же тему достаточно интересна. Это превратило его из простого строения, призванного защищать от палящего солнца или дождя, в некое подобие выставочной галереи.

Агриппа построил еще одно здание, судя по всему, связанное с портиком Аргонавтов, — базилику Нептуна (ил. 5). Сведения источников не дают возможности более подробно восстановить внешний вид базилики [см. подробнее: Shipley, p. 44—47], поэтому можно обратить внимание лишь на ее название[19]. Примечательно, что Нептуна считал своим покровителем Секст Помпей [Cass. Dio, XVIII. 19. 2; 31. 5; 48. 5; App. BC, V. 100; RRC, 511, 2—4]. Выбрав для своей базилики именно такое название, Агриппа как бы объявлял, что отныне Нептун покровительствует Августу и его режиму, одержав, таким образом, еще одну (символическую) победу над прежним противником[20]. Конечно, для полководца, прославившегося своими морскими победами, вполне естественно построить базилику, посвященную главному водному божеству античного пантеона, однако во время Сицилийской войны Секст Помпей так явно притязал на покровительство Нептуна и даже происхождение от него, что едва ли базилика, посвященная Агриппой тому же божеству, могла не напоминать о поражении Магна — младшего сына Помпея.

Обратимся к самому знаменитому храму, который построил Агриппа, — Пантеону (ил. 6), который и сегодня стоит на Марсовом поле и имеет на фронтоне надпись, указывающую, что его построил Агриппа. Это храм времен Адриана. Долгое время считалось, что сохранившийся храм не имеет ничего общего с Пантеоном Агриппы [см.: Shipley, p. 60—65; Richardson, p. 283, Coarelli, 2007, p. 285—289; Bleicken, S. 344], однако новые раскопки показали, что Пантеон Адриана во многом повторял Пантеон Агриппы, который также имел прямоугольный портик, обращенный к северу, и круглую форму; впрочем, место ротонды Адриана занимал открытый священный участок (теменос) того же диаметра, огороженный примерно двухметровой стеной [см.: Simpson, p. 169—176; Rehak, p. 21—22; Zarrow, p. 186, n. 137; Broucke, 2009, p. 27; Grüner, S. 42—44][21]. А. Грюнер отмечает необычность этого сооружения: во-первых, сочетание круглого открытого двора с монументальным пронаосом; во-вторых, ориентация на север, т. е., в сторону от города [Grüner, S. 44—45]. Вторая особенность порой объясняется тем, что Пантеон расположен на одной оси с мавзолеем

---

[19] Различные предположения о происхождении этого названия см.: [Shipley, p. 47].

[20] Примечательно, что Постум, сын Агриппы, именовал себя Нептуном [Cass. Dio, LV. 32. 1], что также свидетельствует о связи в общественном сознании имени Агриппы с морским богом.

[21] Ср., однако, особое мнение А. Циолковского о том, что северную ориентацию имел Пантеон, построенный Домицианом, а Пантеон Агриппы был обращен к югу, как и считалось ранее [см.: Ziolkowski, 2009, p. 29—34]. Данный автор также отстаивает гипотезу о том, что Пантеон первоначально представлял собой храм Марса, однако эта точка зрения, насколько можно судить, не встречает поддержки в научной литературе [см.: Ziolkowski, 1994; 2009, p. 34—39].

Августа (ил. 7), на расстоянии половины римской мили к югу, оба здания были круглыми, а их входы были обращены друг к другу[22]; возможно, они задумывались как единый комплекс с династическим и религиозным подтекстом. Неподалеку находилась и гробница Юлиев, где был похоронен Цезарь [см., например: Simpson, p. 73—74; Zarrow, p. 192—193; Broucke, 2000, p. 366; Broucke, 2009, p. 27—28; Grüner, S. 53—55]. А. Грюнер добавляет сюда еще одно соображение: между Пантеоном и мавзолеем находилось обширное свободное пространство (Марсово поле в узком смысле слова), где постоянно скапливались большие массы народа, а в центре этого пространства стоял алтарь Марса, на котором совершались торжественные жертвоприношения во время церемонии люстра [см.: Grüner, S. 58—62]. Таким образом, Пантеон и мавзолей Августа служили своего рода симметричным обрамлением и оформлением этого пространства (для чего Пантеону и потребовался столь монументальный пронаос), а алтарь Марса был третьим элементом комплекса: ось шла от общности богов в Пантеоне к алтарю Марса, покровителю Марсова поля и рода Юлиев[23], а оттуда — к принцепсу и его династии в мавзолее [см.: Grüner, S. 62—63]. Отмечается и еще одна любопытная деталь: Пантеон, вероятно, расположен на том месте, где, как полагали, Ромул исчез и стал богом [см. об этом: Coarelli, 1983, p. 41—46; Stamper, p. 129][24]. Если это предположение верно, то Пантеон связывал старую династию с новой, напоминал об апофеозе Цезаря и предвещал апофеоз Августа [см.: Wood, p. 9; Zarrow, p. 193—194].

Дион Кассий сообщает, что Агриппа хотел поставить внутрь храма статую Августа и назвать храм в его честь, т. е. Августеем, но император отказался, и тогда Агриппа поставил внутрь статую Цезаря-диктатора, а в нишах возле входа — свою и Августа [Cass. Dio, LIII. 27. 3][25]. В литературе высказывалось мнение, что такое расположение статуй (Цезаря-диктатора внутри, Августа — снаружи) вновь подчеркивало разграничение между принцепсом и его приемным отцом [см.: Ramage, p. 244]. Однако с этим трудно согласиться. Если бы принцепс желал отмежеваться от памяти приемного отца, следовало бы не помещать свою статую у входа в храм, где стояла статуя диктатора, а просто не ставить туда статую Цезаря. Сомнительно, что в этом случае Август сразу утратил бы симпатии всех цезарианцев.

Известны не все скульптуры, стоявшие в этом храме во времена Агриппы, но примечательно, что те пять статуй, о которых сохранились сведения, имеют отношение или к роду Юлиев или непосредственно к Августу (статуи Августа и Агриппы снаружи и статуи старшего Цезаря, Марса и Венеры внутри)

---

[22] Отмечается, впрочем, что вход в мавзолей ориентирован чуть западнее линии, соединяющей его с Пантеоном [см.: Rehak, p. 22; Ziolkowski, 2009, p. 35].

[23] А. Грюнер пишет о Марсе как прародителе Юлиев [Grüner, S. 63], однако это неверно: несмотря на важное значение Марса в идеологии Августа, принцепс не притязал на прямое происхождение от него [см.: Zanker, p. 195—201].

[24] К сожалению, книги Коарелли и Стэмпера оказались мне недоступны, поэтому изложение их мнения и ссылки на страницы приводятся по работе: [Zarrow, 2007].

[25] О статуе Цезаря в Пантеоне см.: [Zarrow, p. 185—195]. Автор оспаривает мнение Д. Фишвика [Fishwick], что это была почетная статуя, а не культовое изображение.

[Cass. Dio, LIII. 27. 2][26]. Венера считалась родоначальницей и покровительницей рода Юлиев. С Марсом ассоциировалась месть Октавиана за убийство Цезаря, а также возвращение парфянских знамен, чем Август очень гордился[27]. По-видимому, Пантеон изначально был построен для прославления рода Юлиев и Августа лично [см., например: Platner, Ashby, p. 382; Taylor, 1975, p. 166–167; Машкин, с. 599; Шифман, с. 164; Richardson, p. 283; Favro, 1996, p. 108–109; Kienast, 2001, S. 6; 2009, S. 229–230, 416].

Об архитектурных украшениях Пантеона сохранилось всего несколько упоминаний. Плиний сообщает, что Пантеон Агриппы украшал Диоген из Афин и что кариатиды на колоннах храма «на редкость прекрасны», как и статуи на фастигии, но последние не слишком знамениты из-за того, что очень высоко расположены (ил. 8) [Plin. HN, XXXVI. 38][28]. Капители храма были изготовлены из сиракузской бронзы [Ibid. XXXIV. 13]. От строения Агриппы сохранилось также несколько фрагментов фриза с изображением жреческой утвари и морскими мотивами, вновь напоминающими о его знаменитых победах [Broucke, p. 28]. Если верно предположение П. Брука о том, что круглое здание на рельефе из гробницы Гатериев — это Пантеон Агриппы, то его фронтон украшал гражданский венок; такой же венок был прикреплен над дверью дома Августа согласно постановлению сената, принятому в 27 г. [Broucke, 2009, p. 28]; это украшение еще раз характеризует Пантеон как храм, первоначально задуманный в качестве Августея. А. Грюнер, впрочем, полагает, что фронтон Пантеона Агриппы изображен на фрагменте рельефа из Римского национального музея и его украшали фигуры Марса, Реи Сильвии и волчицы с близнецами [Grüner, S. 61–62]. Исследователи отмечают сходство украшений Пантеона с украшениями форума Августа: диаметр экседр форума соответствовал диаметру Пантеона; оба сооружения содержали культовые статуи Марса и Венеры и были украшены кариатидами [см.: Zarrow, p. 194–195; Broucke, 2009, p. 28][29]. Интересную подробность о статуе Венеры сообщают Плиний и Макробий [Plin. HN, IX. 121; Macrob. Sat., III. 17. 17]. По их словам, серьги для нее были изготовлены из половинок крупной и знаменитой жемчужины, которая ранее была вставлена в серьгу, принадлежавшую Клеопатре. Вторую из этой пары жемчужин царица, как сообщается, растворила в уксусе и выпила, чтобы устроить обед стоимостью в десять миллионов сестерциев и таким образом выиграть пари у Антония. Поэтому украшение Венеры в Пантеоне, с одной стороны, напоминало римлянам о вызывающем и недостойном

---

[26] М. Рейнхолд предполагает, что Пантеон был посвящен Марсу и Венере – богам-покровителям рода Юлиев [Reinhold, p. 76]

[27] О связи Венеры с родом Юлиев см. : [Weinstok, p. 15–18]; о Венере в пропаганде Цезаря см. : [Weinstok, p. 80–93]. О Марсе в пропаганде Цезаря см.: [Weinstok, p. 128–132], где высказывается предположение, что идея культа Марса как мстителя парфянам за поражение Красса принадлежала диктатору. О значении Марса в пропаганде Августа см. : [Rich, p. 79–97].

[28] Возможно, некоторые из кариатид были перенесены Адрианом на его виллу в Тиволи и сохранились до сих пор [Broucke, 1999, p. 312; 2009, p. 27–28].

[29] А. Леск полагает, что в августовском Риме кариатиды несли двойную смысловую нагрузку: подражание классическим Афинам и их покорение [Lesk, 42].

поведении Клеопатры и Антония, об их тщеславии и расточительности, а с другой стороны — намекало на подчинение Египта Риму, поскольку добыча, отобранная у иноземной царицы, была передана богине — родоначальнице римского народа и рода Юлиев.

Агриппа превратил Марсово поле в развлекательный комплекс. Термы — одно из самых знаменитых сооружений друга принцепса (ил. 9). Вероятно, Агриппа начал возводить их в 25 г. до н. э., строительство было завершено лишь через 6 лет. [см.: Richardson, p. 386; Cass. Dio, LIII. 27. 1; Front. De Aquis, I. 10]. Интересное мнение высказал Ж.-М. Роддаз: он указывает, что подобный банный комплекс был для Рима новшеством и, опираясь на Диона Кассия [Cass. Dio, LIII. 27. 1], предполагает, что, возможно, именно Агриппа сделал доступным и популярным времяпровождение, сочетающее телесные удовольствия с культурным досугом [см.: Roddaz, 1984, p. 278—279].

Более подробно об украшениях терм рассказывает Плиний: «...in thermarum quoque calidissima parte marmoribus incluserat parvas tabellas, paulo ante, cum reficerentur, sublatas»[30] [Plin. HN, XXXV. 26]; «...Agrippa certe in thermis, quas Romae fecit, figlinum opus encausto pinxit in calidis, reliqua albario adornavit, non dubie vitreas facturus camaras, si prius inventum id fuisset aut a parietibus scaenae» [Plin. HN, XXXVI, 189][31]. Последнюю фразу Плиния также можно рассматривать как косвенную характеристику Агриппы. Вероятно, Плиний имел основания считать, что Марк Випсаний всегда был в курсе последних технических новинок и использовал их при строительстве.

Отдельно стоит упомянуть статую Апоксиомена работы скульптора Лисиппа (ил. 10), которую Агриппа поставил возле терм. Статуя очень нравилась народу, и когда император Тиберий забрал ее к себе в комнату, люди подняли в театре крик, требуя вернуть статую на место, и принцепсу пришлось уступить [Plin. HN, XXXIV. 62]. По-видимому, возмущение народа было вызвано не только тем, что его лишили прекрасного зрелища, но и тем, что Тиберий попытался отобрать у народа произведение искусства, которое было передано ему в дар и поэтому воспринималось как его законная собственность.

Канал и искусственное озеро (*Euripus* и *Stagnum*) также входили в состав банного комплекса. До Агриппы подобного в Риме не строили. Канал получал воду из акведука Дева, который также построил Марк Випсаний и который, вероятно, снабжал водой искусственное озеро, а затем выходил в Тибр. Таким образом, вода и в самом канале, и в озере постоянно менялась. Благодаря этому она все время оставалась холодной и чистой, там многие купались [Sen. Ep., 83. 5].

Искусственное озеро и канал были окружены парком — садами Агриппы [Cass. Dio, LIV. 29; Shipley, p. 55]. Сохранились сведения только об одной из

---

[30] «...В самом горячем помещении своих терм он вправил в мраморные плиты маленькие картины...» [Плиний, с. 83].

[31] «Агриппа в термах, которые он построил в Риме, глиняную работу в горячих помещениях расписал энкаустикой (энкаустика — техника росписи восковыми красками горячим способом. — *С. Т.*), остальное украсил побелкой, хотя он, несомненно, сделал бы стеклянные своды, если бы это было придумано раньше...» [Там же, с. 144]

скульптур, украшавших эти сады, — «Павшем льве» Лисиппа, которого Агриппа привез из Лампсака и поставил в парке между озером и каналом [Strab., XIII. 1. 19][32].

Весь комплекс построек превратил Марсово поле в зону отдыха, каких ранее в Риме не было. Более поздние авторы часто упоминают эти строения как весьма посещаемые места и, судя по этим сообщениям, римляне высоко оценили усилия Агриппы. Марсово поле оставалось местом гимнастических и военных упражнений молодежи [Hor. Carm., III. 7. 25—27; Strab., V. 3. 8][33], однако теперь там появилось много новых возможностей для досуга и развлечений. В трактате «Об ораторе» Цицерон рассказывает забавную историю о том, что «ut M. Lepidus, cum, ceteris se in campo exercentibus, ipse in herba recubuisset, “vellem hoc esset”, inquit “laborare”» [Cic. De Or., II. 287][34]. Катон Старший, воплощение нравов и обычаев предков, вряд ли одобрил бы подобные устремления [ср.: Plut. Cat., 20], однако сам Лепид несомненно приветствовал бы преобразование Марсова поля, которое осуществил Агриппа.

Превращение Марсова поля в «двор для отдыха» (по выражению Вуда [Wood, p. 5]), конечно, служило целям пропаганды мира Августа — наступления золотого века, эпохи мира и спокойствия. На поле, предназначенном для физических упражнений и сбора войск, теперь был устроен парк отдыха, который символизировал, что отныне враги побеждены и больше не грозят Риму[35]. Марсово поле теперь стало местом общенародного отдыха и досуга. Раньше лишь богатые римские аристократы на своих виллах могли наслаждаться роскошными термами, парками и портиками, украшенными шедеврами искусства. Теперь такую возможность получил весь римский народ [Смышляев, с. 622]. Любопытно, что у Плиния сохранились сведения о публичном выступлении Агриппы на сходную тему: «...exstat certe eius oratio magnifica et maximo civium digna de tabulis omnibus signisque publicandis, quod fieri satius fuisset quam in villarum exilia pelli» [Plin. HN, XXXV, 26][36]. Преображение Марсова поля, инициированное и осуществленное Августом и Агриппой, можно рассматривать как продолжение политики, начатой Помпеем (построил большой постоянный театр) и Цезарем (он завещал свои сады римскому народу). Еще Ци-

---

[32] О технических и топографических характеристиках этих сооружений см.: [Lloyd, p. 193—204; Coarelli, 2007, p. 285—289]

[33] В. Гардтхаузен предполагает, что по завершении строительных работ эти упражнения проводились только на поле Агриппы [Gardthausen, S. 753]. Авл Геллий, впрочем, говорит о нем как о месте для прогулок [Gell., XIV. 5. 1]

[34] Когда другие упражнялись на Марсовом поле, то Марк Лепид разлегся на траве и заявил: «Вот так бы, по мне, и работать!» [Цицерон, с. 188].

[35] Ф. Коарелли высказал предположение, что Агриппа вел свое строительство на месте частных садов, которые принадлежали сперва Помпею, затем Антонию, а после битвы при Акции перешли в собственность Агриппы [Coarelli, 1977, p. 816—818]. Однако В. Жоливе справедливо отмечает, что это предполагало бы неправдоподобно огромные размеры садов Помпея [Jolivet, p. 127—128]; представляется более вероятным, что сады Помпея на Марсовом поле оставались в частной собственности Агриппы до его смерти, после чего по завещанию перешли в публичное пользование [Cass. Dio, LIV. 29. 4]

[36] «Его великолепная и достойная величайшего гражданина речь о том, что все картины и статуи должны стать общественным достоянием, и это было бы лучше, чем удалять их в изгнание по виллам» [Плиний, с. 83].

церон отмечал, что народ ненавидит роскошь частных лиц, а в общественных делах ценит ее [Cic. Mur., 76]. Очевидно, Август и Агриппа также понимали эту особенность и тем самым с помощью преображения Марсова поля привлекли к себе дополнительные симпатии плебса (см. общий план Марсова поля, ил. 11).

Известно еще об одной постройке Агриппы на Марсовом поле — его гробнице [Cass. Dio, LIV. 28. 5]. На сегодняшний день неизвестно, как выглядела эта гробница, где конкретно она находилась, когда была построена. Едва ли при почти полном отсутствии этих данных можно делать выводы об идеологическом значении этого строения; единственное, что можно сказать: такая гробница подчеркивала особую роль Марка Агриппы в государстве. Интересно, что местом для своей гробницы Агриппа выбрал именно Марсово поле, которое было почетнейшим местом для похорон[37] и которое сам же Агриппа украсил и перестроил.

Другие постройки, связанные с Агриппой, в частности его мост или портик Випсания, в котором хранилась его карта, в статье не рассматриваются, поскольку мост, являясь сугубо практическим строением, едва ли представляет интерес с идеологической точки зрения, а здания, построенные после смерти Агриппы, не позволяют оценить идеологический подтекст этого строения, задуманный самим Агриппой[38].

П. Цанкер справедливо пишет, что основной целью всей строительной деятельности Агриппы в Риме было прославление Октавиана и установившегося позднее режима принципата. Однако интересно заметить, что эта деятельность была поручена именно Агриппе, уже имевшему ко времени своего эдилитета славу победоносного полководца и флотоводца. В 30-е гг. до н. э. и позднее многие дороги ремонтировались, а храмы реставрировались другими аристократами по предложениям Августа. Однако только с именем Агриппы ассоциируется столь широкое строительство. Сам Август тоже строил в Риме достаточно много, однако между его мероприятиями и программой Агриппы существует различие: постройки Агриппы носят несколько более бытовой и практический характер[39] или предназначены для развлечения и отдыха плебса. Нам неизвестно никаких подробностей о масштабных ремонтных работах, проведенных Агриппой во время эдилитета в 33 г. до н. э., источники лишь сообщают, что он отреставрировал все общественные здания и улицы. Поскольку не сохранилось никаких названий, можно сделать вывод, что эти здания и дороги были не слишком знамениты, и все же именно их реставрацию взял на себя Марк Випсаний. Строения же Августа носили в большинстве своем более «официальный» характер и скорее находились постоянно перед глазами более высоких слоев римского общества — сената и всадников: например, арки в честь побед Августа на Римском форуме, курия Юлия,

---

[37] Честь погребения там присуждалась за выдающиеся заслуги особым разрешением сената [см.: Сергеенко, с. 207, примеч. 20].

[38] Об идеологическом подтексте складов Агриппы см. мнение П. Цанкера: [Zanker, p. 143].

[39] Это кратко отмечают М. Рейнхолд и Дж. Моттершед [см.: Reinhold, p. 162; Mottershead, p. 209].

базилика Юлия, храм Божественного Цезаря, Алтарь мира Августа, форум Августа со всеми постройками и т. д. Разумеется, нельзя говорить о том, что все здания Агриппы построены только для плебса, а Августа — только для высших слоев общества. Речь может идти лишь о некоторых преобладающих тенденциях в строительных программах. Эти тенденции отражаются также в территориальном размежевании их деятельности: если Август вел масштабные строительные работы в политическом и деловом центре старого республиканского Рима, на Палатине, Капитолии, Форуме и прилегающих к ним территориях (хотя, конечно, ими не ограничивался), то Агриппа сосредоточил свои усилия на Марсовом поле, центральная часть которого прежде оставалась почти незастроенной, а теперь превратилась в «виллу для простого народа» [см.: Gardthausen, S. 979; Zanker, p. 141; Grüner, S. 46—47].

Любопытно поразмыслить над причинами такого различия. Возможно, все объясняется достаточно просто, и дело в том, что Агриппа взял на себя заботы об организации водоснабжения в Риме, что повлекло за собой ремонт и строительство ряда функциональных сооружений. Однако возникает вопрос, почему эти заботы не взял на себя Август. Более вероятным представляется иное объяснение. В отличие от Августа, имевшего кровное родство с одним из знатнейших патрицианских родов, Юлиями, и усыновленного Цезарем, Марк Агриппа ни знатностью, ни наличием столь знаменитых родственников не отличался. Несмотря на свои заслуги, военные победы и должности, в глазах римского нобилитета Агриппа все равно оставался «новым человеком». Однако Агриппа был вторым человеком после Августа в государстве, обладал огромным влиянием и, вероятно, этим еще больше раздражал представителей римской аристократии, раздражал настолько, что они даже не пожелали прийти на его похороны [Cass. Dio, LIV. 29. 6].

Можно предположить, что несколько разная расстановка акцентов в строениях Августа и постройках Агриппы позволяла императору и его другу приобрести тем самым симпатии и плебса, и нобилитета: если плебс, вероятно, откликнулся бы на заботу любого из них, то привлечь к себе нобилитет Августу, пожалуй, было проще, чем Агриппе. Плебеи могли убедиться, что Агриппа заботится об их интересах и развлечениях, а Август имел возможность чаще демонстрировать представителям римской аристократии плоды своих трудов, которые настраивали их в его пользу. Важное исключение составляет, конечно, Пантеон, однако если он должен был восприниматься как храм рода Юлиев, то понятно, что сам Август не мог заниматься его строительством и должен был кому-то его перепоручить.

Стоит отметить, что со времен гражданских войн и уже в эпоху принципата никто не мог сравниться с Агриппой и Августом по масштабу строительных мероприятий. Интересно разобраться, как соотносятся между собой их вклады. На этот счет высказывалось два мнения. Дж. Моттершед полагает, что строительные программы Августа и Агриппы соответствовали их иерархии в государстве: Агриппе дозволялось помогать Октавиану привлечь на свою сторону народ, но он не мог принимать участия в строительстве памятников, имевших политическое или религиозное значение для нового режима, эта

привилегия принадлежала принцепсу [Mottershead, p. 210][40]. Диаметрально противоположного мнения придерживается А. Грюнер. Он подробно рассматривает взаимное расположение Пантеона и мавзолея Августа и приходит к выводу, что оба эти строения символизировали равное положение в государстве Августа и Агриппы, на что намекали, по его мнению, и статуи у входа в Пантеон; более того, поскольку в постройках Агриппы часто и многократно присутствует тема воды, это постоянно напоминало римлянам о победах Агриппы, а значит, нельзя рассматривать его постройки лишь как прославление Августа.

Обе версии, однако, представляются излишне категоричными. А. Грюнер прав в том, что строительная программа Агриппы принесла ему славу и популярность у плебса. Полководец называл строения своим именем[41], открыто напоминал о своих победах и заслугах, поэтому вряд ли можно сводить его роль лишь к помощи принцепсу. Кроме того, представляется несколько спорным мнение Дж. Моттершеда, что постройки Агриппы имели меньшее политическое и религиозное значение для нового режима, чем строения Августа. Можно ли однозначно отдать предпочтение в этом смысле храму Марса Мстителя перед Пантеоном? Действительно ли базилика или курия Юлия были политически более значимы для нового режима, чем Септа или организация водоснабжения в Риме? Однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Постройки эти выполняли столь разные функции, что крайне сложно отыскать даже критерий, по которому можно провести сравнение. Кроме того, идеология эпохи Августа — явление комплексное, многогранное и очень сложное, не всегда можно рассматривать значение каждой постройки изолированно. Выше упоминались работы, в которых исследуется изменение облика Рима в целом при Августе (Д. Фавро, С. Вуд, П. Цанкер и др.). Без подобного тщательного анализа едва ли возможно признать вывод Дж. Моттершеда обоснованным и убедительным.

Однако точка зрения А. Грюнера также вызывает некоторые сомнения. Агриппа действительно напоминал своими постройками о собственных победах и заслугах, однако не следует игнорировать, например, и акведук Юлия или Септу Юлия, названные им в честь Августа. Сложно также согласиться с выводом автора, что Пантеон составлял идеологически симметричную пару с мавзолеем Августа. Во-первых, А. Грюнер справедливо замечает, что у входа в Пантеон стояли статуи и Агриппы, и Августа, однако при этом автор игнорирует сообщение источника [Cass. Dio, LIII. 27. 3] о том, что изначально полководец собирался поставить статую Августа внутрь Пантеона и назвать его Августеем. Но нам ничего неизвестно о том, чтобы Август ставил возле своего мавзолея статую Агриппы хоть в каком-то виде, хотя его собственная статуя увенчивала это сооружение. Однако стоит отметить любопытный момент, который обходит вниманием А. Грюнер: после смерти Агриппы Август

---

[40] Ср.: [Favro, 1996, p. 113], где также утверждается, что слава за строительные проекты Агриппы доставалась Августу.

[41] Р. Ханслик отмечает, что Агриппа начинает называть строения своими именам с 25 г. до н. э., имея в виду Пантеон и Лаконик (первую часть терм) [Hanslik, sp. 1250].

похоронил его в своем мавзолее, несмотря на то, что на Марсовом поле у друга принцепса была собственная гробница. Однако этот факт вряд ли можно считать подтверждением версии о равнозначности Пантеона и мавзолея, символизирующей равенство Августа с Агриппой: первым в мавзолее Августа был похоронен юный Марцелл, племянник императора. Едва ли это позволяет говорить о равном положении в государстве Августа, Агриппы и Марцелла. Поэтому точка зрения А. Грюнера также выглядит не вполне убедительной.

Истина находится где-то посередине. Дж. Моттершед прав в том, что, несмотря на масштабность строительной программы Агриппы, на прославление его побед, на взаимное расположение Пантеона и мавзолея, в строительной политике он все же занимал второе место после Августа, что соответствовало его положению в государстве. С другой стороны, вряд ли можно согласиться с Дж. Моттершедом в том, что задачей Агриппы была лишь помощь Августу в обретении любви плебса: едва ли сам Марк Випсаний не получил никакой славы и популярности за свои проекты. Наконец, важно отметить, что Агриппа занимал второе место из двух. Третьего места в этой сфере не было. В области строительства принцепс и его друг настолько опередили всех остальных, что в данном случае второе место Агриппы является весьма почетным и исключительным. Поскольку общественное строительство в Риме при Августе велось в основном его друзьями и родственниками, масштабы строительной деятельности Агриппы должны были подчеркнуть, какая дистанция отделяла его от остальных друзей и родственников императора.

Гораций Флакк, Квинт. Оды. Эподы. Сатиры. Послания : пер. с лат. / под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1970. [Goratsij Flakk, Kvint. Ody. Epody. Satiry. Poslaniya : per. s lat. / pod red. M. L. Gasparova. M., 1970.]

Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность : очерки. М., 1986. [Knabe G. S. Drevnij Rim — istoriya i povsednevnost' : ocherki. M., 1986.]

Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М. ; Л., 1949. [Mashkin N. A. Printsipat Avgusta. Proiskhozhdenie i sotsial'naya suschnost'. M. ; L., 1949.]

Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М. ; Калуга, 1994. [Mezheritskij Ya. Yu. «Respublikanskaya monarkhiya»: metamorfozy ideologii i politiki imperatora Avgusta. M. ; Kaluga, 1994.]

Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / пер. Г. А. Тароняна. М., 1994. [Plinij Starshij. Estestvoznanie. Ob iskusstve / per. G. A. Taronyana. M., 1994.]

Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. СПб., 2000. [Sergeenko M. E. Zhizn' drevnego Rima. SPb., 2000.]

Смышляев А.Л. Рим: эпоха принципата // Всемирная история. Т. 1 : Древний мир. М., 2011. С. 603—639. [Smyshlyaev A.L. Rim: epokha printsipata // Vsemirnaya istoriya. T. 1 : Drevnij mir. M., 2011. S. 603—639.]

Цицерон, Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / пер. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова ; под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1972. [Tsitseron, Mark Tullij. Tri traktata ob oratorskom iskusstve / per. F. A. Petrovskogo, I. P. Strel'nikovoj, M. L. Gasparova ; pod red. M. L. Gasparova. M., 1972.]

Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. [Shifman I. Sh. Tsezar' Avgust. L., 1990.]

App. BC — Appianus Alexandrinus. Bella civilian.

Beachem R. The Emperor as Impressario // The Cambridge Companion to the Age of Augustus / ed. K. Galinsky. Cambridge, 2005. P. 151—174.

Bleicken J. Augustus. Eine biographie. Berlin, 1998.

Broucke P. The Caryatids from Hadrian's Villa at Tivoli and the Pantheon of Agrippa // AJA. 1999. Vol. 103. P. 312.

Broucke P. The Pantheon of Agrippa and the Mausoleum of Augustus // AJA. 2000. Vol. 104. P. 366.

Broucke P. The First Pantheon: Architecture and Meaning // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9—12, 2006. Bern, 2009. P. 27—28.

Cass. Dio — Cassius Dio. Historia Romana.

Cic. Att. — Cicero, Marcus Tullius. Epistulae ad Atticum.

Cic. De Or. — Cicero, Marcus Tullius. De Oratore.

Cic. Mur. — Cicero, Marcus Tullius. Pro Murena.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1853—.

Coarelli F. Il Campo Marzio occidentale. Storia e topografia // MEFRA. 1977. T. 89, № 2. P. 807—846.

Coarelli F. Il Pantheon, l'apoteosi di Augusto e l'apoteosi di Romulo // Citta y architettura nella Roma imperiale: atti del seminario del 27 ottobre 1981 nel 25o anniversario dell'Accademia di Danimarca. Rome, 1983. P. 41—46.

Coarelli F. Rome and Environs. An Archaeological Guide. L., 2007.

Demougin S. Quo descendat in campo petitor. Élections et électeurs à la fin de la Republique et au début de l'Empire // L'Urbs: espace urbain et histoire (Ier siècle av. J.-C. — IIIe siecle ap. J.-C.). Rome, 1987. P. 305—317.

Evans H. Agrippa's Water Plan // AJA. 1982. Vol. 86. P. 401—411.

Fantham E. Julia Augusti: the Emperor's Daughter. L. ; N. Y., 2006.

Favro D. The Urban Image of Augustan Rome. Cambridge, 1996.

Favro D. Making Rome a World City // The Cambridge Companion to the Age of Augustus / ed. K. Galinsky. Cambridge, 2005. P. 234—263.

Fest. — Festus, Sextus Pompeius. De verborum significatione.

Fishwick D. The Statue of Julius Caesar in the Pantheon // Latomus. 1992. Vol. 51. P. 329—336.

Front. De Aquis — Frontinus, Sextus Julius. De aquaeductu.

Galsterer H. The Administration of Justice // CAH. 2nd edn. Vol. 10. Cambridge, 1996. P. 397—413.

Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1891. Th. 1, Bd. 1.

Gell. — Gellius, Aulus. Noctes Atticae.

Grüner A. Das Pantheon des Agrippa: Architektonische Form und urbaner Kontext // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9—12, 2006. Bern, 2009. S. 41—67.

Hanslik R. Vipsanius [2] // RE. 1961. R. 2, Hbd. 17. Sp. 1226—1275.

Heene G. Die Kompromisse in der Architektur — Anbau Nord / Anbau Sud: Wie kamen sie zustande? // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9—12, 2006. Bern, 2009. S. 89—97.

Hor. Carm. — Horatius Flaccus, Quintus. Carminae.

Hor. Serm. — Horatius Flaccus, Quintus. Sermones.

Jolivet V. Les jardins de Pompee: nouvelles hypotheses // MEFRA. 1983. T. 95, № 1. P. 115—138.

Kienast D. Augustus und Caesar // Chiron. 2001, Bd. 31. S. 1—26.

Kienast D. Augustus: Princeps und Monarch. Darmstadt, 2009.

Lesk A. «Caryatides probantur inter pauca operum»: Pliny, Vitruvius, and the Semiotics of the Erechtheion Maidens at Rom // Arethusa. 2007. Vol. 40. P. 25—42.

Lloyd R. B. The Aqua Virgo, Euripus and Pons Agrippae // AJA. 1979. Vol. 83. P. 193—204.

Macrob. Sat. — Macribius Ambrosius Theodosius. Saturnalia.

Mart. — Martialis, Marcus Valerius. Epigrammata.

Mottershead G. The Constructions of Marcus Agrippa in the West. Melbourne, 2005. P. 1—246.

Osgood J. Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of Roman Empire. Cambridge, 2006.

Platner S. B., Ashby T. A Topographical Dictionary of Ancient Rome. L., 1929.

Plin. HN — Plinius Secundus, Gaius. Historia Naturalis.

Plut. Cat. — Plutarchus. Vitae Parallelae. Cato Senior.

Ramage E. S. Augustus' Treatment of Julius Caesar // Historia. 1985. Bd. 34. P. 223—245

Rehak P. Imperium and Cosmos. Augustus and the Northern Campus Martius. Madison. 2006.

Reinhold M. Marcus Agrippa: A Biography. Geneva, 1933.

RGDA — Res Gestae Divi Augusti.

RIC — *Sutherland C. H. V.* The Roman Imperial Coinage. Vol. 1 : From 31 BC to AD. 69. L., 1984.

Rich J. W. Augustus's Parthian Honours, the Temple of Mars Ultor and the Arch in the Forum Romanum // PBSR. 1998. Vol. 66. P. 71—128

Rich J. W., Williams J. H. C. Leges et Ivra P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settelement of 28—27 B. C. // The Numismatic Chronicle. 1999. Vol. 159. P. 169—213.

Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore ; L., 1992.

Roddaz J.-M. Marcus Agrippa. Roma, 1984.

Roddaz J.-M. Un theme de la «propagande» augusteenne: l'image populaire d'Agrippa // MEFRA. 1980. T. 92, № 2. P. 947—955.

RPC — *Burnett A., Amandry M., Ripolles P. P.* Roman Provincial Coinage. Vol. 1: From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC —AD 69). Pt. 1. L., 1992.

RRC — *Crawford M.* Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974.

Sen. Ep. — Seneca, Lucius Anneus. Epistulae Morales ad Lucilium.

Shipley F. W. Agrippa's Building Activities in Rome. St. Louis, 2008 : Reprint. 1933.

Simpson C. J. The Northern Orientation of Agrippa's Pantheon: Additional Considerations // L'Antiquite Classique. 1997. T. 66. P. 169—176.

Stamper J. W. The Architecture of Roman Temples: The Republic to the Middle Empire. Cambridge, 2005.

Strab. — Strabo. Geographica.

Suet. Aug. — Suetonius Tranquillus, Gaius. De vita Caesarum. Divus Augustus.

Suet. Iul. — Suetonius Tranquillus, Gaius. De vita Caesarum. Divus Iulius.

Suet. Tib. — Suetonius Tranquillus, Gaius. De vita Caesarum. Tiberius.

Sumi J. S. Ceremony and Power. Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbour, 2008.

Taylor L. R. Roman Voting Assemblies from the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor, 1966.

Taylor L. R. The Divinity of the Roman Emperor. Philadelphia, 1975.

Vell. — Velleius Paterculus. Historiae Romanae.

Weinstock S. Divus Julius. Oxford, 1971.

White P. Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. 1988. Vol. 42. P. 334—356.

Wood S. Urban Imagery and Visual Narrative: The Campus Martius in the Age of Augustus [Electronic resource] // The School of Historical Studies Postgraduate Forum e-Journal, Edition Two, 2003. URL: http://www.societies.ncl.ac.uk/shspgf/ed_2/ed_2_wood. pdf (дата обращения: 26.11.2013).

Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1990.

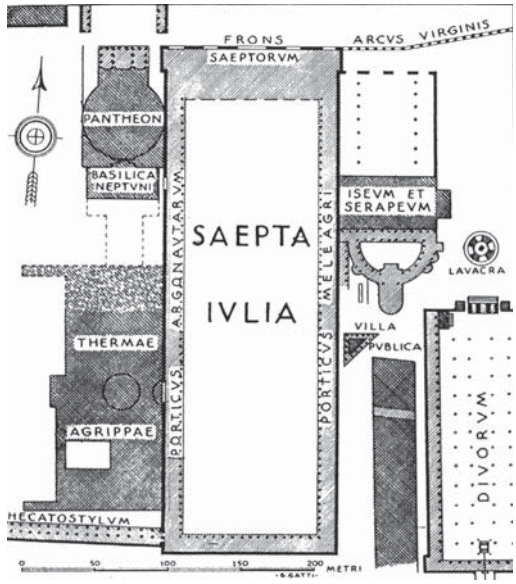
Zarrow E. M. The Image and Memory of Julius Caesar between Triumvirate and Principate (44 BCE — CE 14) : PhD Diss. N. Haven, 2007.

1. Остатки арок акведука Дева под палаццо Шарра. Рим [Grüner, S. 48]

2. Диск из Кампаны с изображением дельфинов,
установленных Агриппой в Большом цирке. Париж, Лувр [Grüner, S. 49]

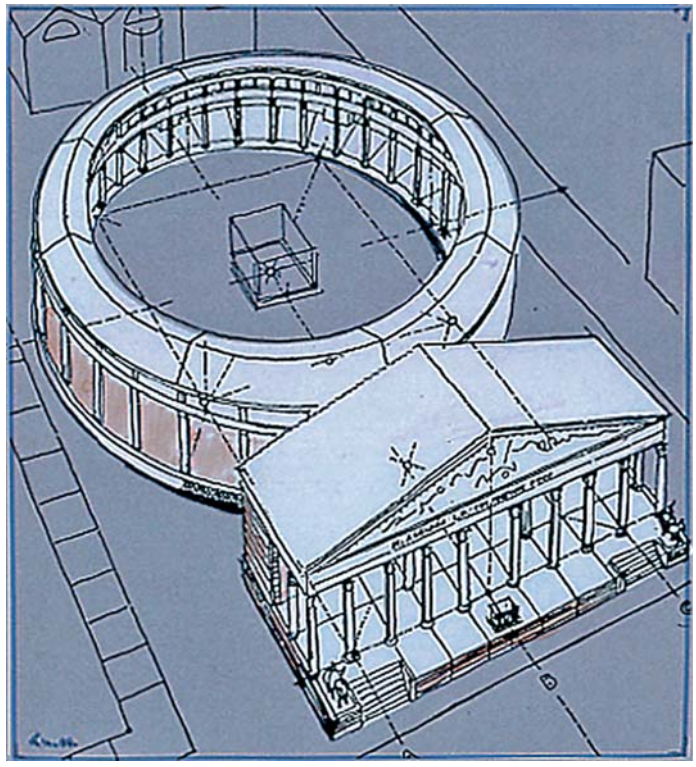
3. План Септы Юлия на Марсовом поле (согласно Гатти) [Grüner, S. 45]

4. Остатки портика Аргонавтов. Фото автора

5. Остатки базилики Нептуна. Фото Ильи Ш

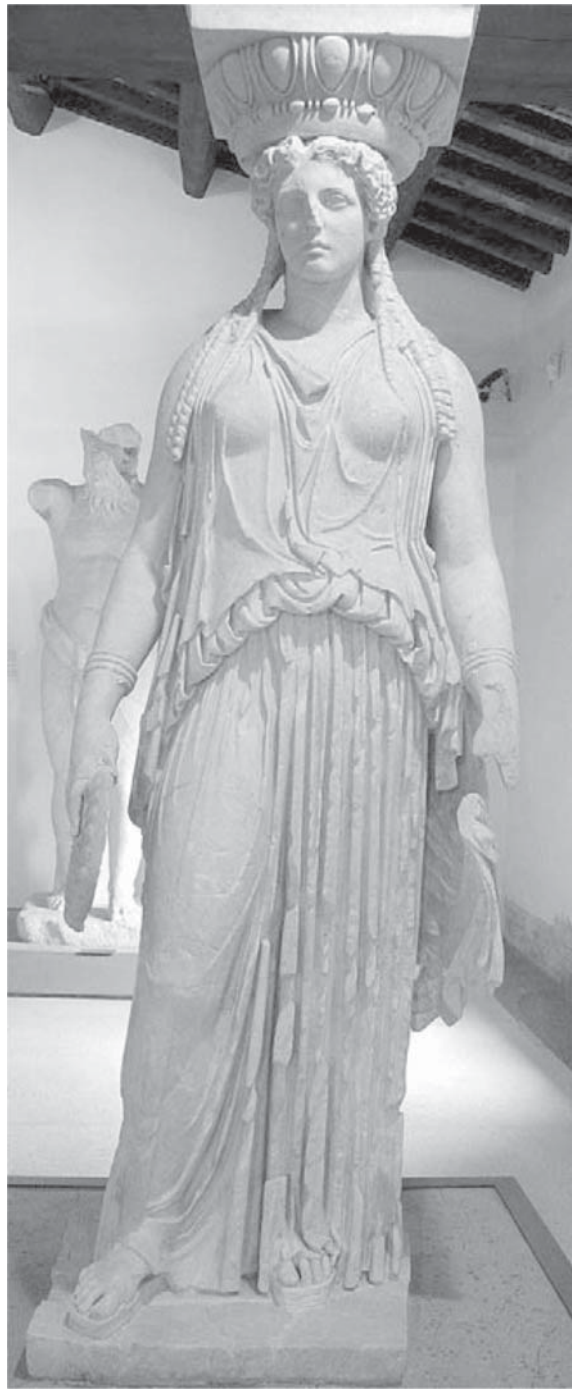
6. Реконструкция Пантеона Агриппы [Heene, S. 40]

7. Реконструкция северной части Марсова поля в эпоху Августа
Рим, Музей Алтаря мира Августа. Фото автора

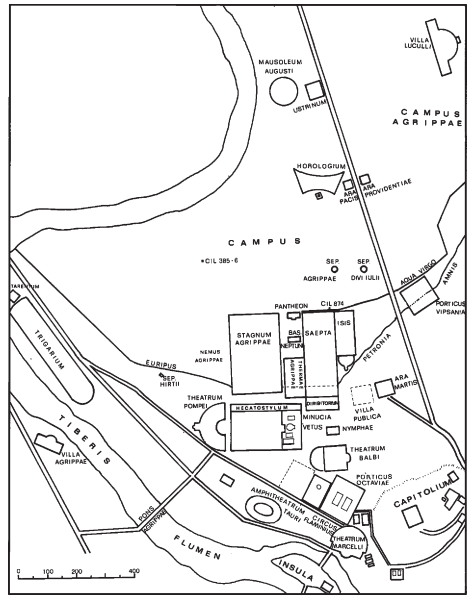
9. Остатки терм Агриппы. Фото Ильи Ш

8. Кариатида с виллы Адриана в Тиволи, тип А
(предположительно происходит из Пантеона Агриппы). Музей Тиволи [Lesk]

10. Апоксиомен. Римская копия I в. н. э. с бронзового оригинала Лисиппа ок. 320 г. до н. э. Рим, Ватиканские музеи, Музей Пия — Климента. Инв. № 1185. Фото С. И. Сосновского

11. План Марсова поля в эпоху Августа [Zanker, p. 140]

Ziolkowski A. Was Agrippa's Pantheon the Temple of Mars «In Campo?» // PBSR. 1994. Vol. 62. P. 261—277

Ziolkowski A. What did Agrippa's Pantheon Looked Like? New Answers to an Old Question // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9—12, 2006. Bern, 2009. P. 29—39.

Статья поступила в редакцию 23.10.2013 г.

УДК 769.2(09)+75.056:7.035(44)

Е. В. Борщ

КОЛЛЕКЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ КНИГ XVIII в. ИЗ СОБРАНИЯ ЦНБ УРО РАН

На примере французских изданий из «библиотеки Шубиных» в собрании ЦНБ УрО РАН анализируется книжное искусство XVIII в., даются описание и художественно-стилевая интерпретация отдельных экземпляров; составлен каталог коллекции.

Ключевые слова: XVIII век; Франция; искусство книги; книжная гравюра; книжная иллюстрация; библиотека Шубиных.

Французские книги XVIII в. занимают особенное место в уральских собраниях. Малотиражные, напечатанные на бумаге ручной отливки, дополненные вкладными гравюрами на меди, украшенные текстовым ксилографическим декором, одетые в кожаные переплеты с орнаментальными форзацами, они выгодно отличаются от своих младших собратьев гармонией и благородством, вкусом и качеством исполнения.

Актуальность изучения локальных массивов французской книги XVIII в. в местных собраниях обусловлена прежде всего их включенностью в местный культурный контекст. Чаще всего редкие печатные книги интересуют исследователей в аспекте владельческой истории и краеведения. Однако следует принимать во внимание то, что они являются произведениями книжного искусства. Именно французские издания XVIII в. представляют немалый интерес как художественные экспонаты, произведения типографского, оформительского и иллюстративного искусства, шире — искусства изобразительного и декоративно-прикладного. Уникальность французских книжных памятников XVIII в. можно объяснить тем, что в эпоху Просвещения подъем искусства графики и прикладного искусства во Франции совпал с колоссальным по масштабам и невиданным ранее увлечением книгой.

Французские книги XVIII в. из собрания УрО РАН привлекали внимание специалистов в рамках изучения истории так называемой библиотеки Шубиных [см.: Камалова]. Судьба этой коллекции примечательна: она имеет московское происхождение; оказавшись в Екатеринбурге в 1990-х гг.,

© Борщ Е. В., 2014